

12. *SHapsugov D. YU.* Teoretiko-pravovye osnovaniya issledovaniu pravovogo mira Kavkaza. V sb.: Pravovoi mir Kavkaza: proshloe, nastojashee, budushee. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii. Nal'chik. 14 – 15 aprelja 2011.
13. *Bauman Z.* Globalizacija. Posledstvija dlja cheloveka i obshestva / Per. s angl. Moskva: Ves' Mir, 2004. 423 s.
14. *Bauman Z.* Individualizirovannoe obshestvo. M.: Logos. 2002.
15. *Patnyem R.* Shtoby demokratija rabotala: Grazhdanskije tradicii v sovremennoi Italii. M., 1997. 348 s.
16. *Kanukova Z. V.* Tradicii v sovremennom osetinskom obshestve. Vladikavkaz. 2018. 135 s.
17. *Caliev A. M., CHedzhemov S. R.* Instituty vlasti i pravovye vozzrenija v Severnoi Osetii v konce XIX – nachale HH vekov. Vladikavkaz, 2004. 163 s.
18. *Caliev A. M.* Sudebnaja vlast' v respublikah Severnogo Kavkaza (1917 – 2003 gg.). M., 2003. 268 s.
19. *Zor'kin V. D.* Problemy konstitucionno-pravovogo razvitija (k 20-letiju Konstitucii RF) // Zhurnal konstitucionnogo pravosudija. 2014.

УДК 340.1

DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-1-17-25

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАТИВНОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

Леусенко

Дмитрий

Александрович

кандидат философских наук, доцент,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70).
E-mail:ld08@yandex.ru

Аннотация

В статье продолжено исследование теоретических проблем, связанных с анализом ведущих концепций интегративного правопонимания в России. Автор уделяет внимание проблеме деконструкции элементов социальной реальности как составляющей интерпретационной схемы познания природы права в рамках незавершенного проекта интегративистов на примере концепции Б. А. Кистяковского. Анализируется научная литература, посвященная исследованию проблем правовой реальности, и делается вывод о влиянии изменений, сложившихся в теории познания задолго до развития исследуемого теоретического направления, на восприятие интегративного понимания права.

Ключевые слова: *интегративизм, интерпретация, интерпретационная идея, нормативизм, превращенная форма, социальная норма, сущность и существование, правовая реальность, деконструкция, социогенез, правогенез.*

Вопрос о содержании интегративного понимания права является одним из самых сложных в отечественной правовой науке. Само обращение к теме интегративности в праве подразумевает ряд комплексных теоретических проблем. Прежде всего, отсутствуют четкие критерии того, что подразумевать под интегративной теорией. Недостаточное понимание содержания интегративности порождает своеобразный круг теоретических затруднений, когда мы не можем на должном уровне представить, каково содержание интегративной теории права. Подобная теоретическая недостаточность явля-

ется результатом неполного развития представлений об интегративной природе права в концепциях конца XIX – начала XX вв.

Причины теоретического и методологического разрыва в интегративном правопонимании значительно глубже, их влияние только совпадает с отрицательным воздействием содержания послереволюционного периода, обусловленным сменой вектора правовой политики и государственного развития, однако в данном случае необходимо обратить внимание на то, что подобного рода незавершенность в развитии теоретической конструкции в рамках интегративного правопонимания в конце XIX – начале XX вв. имеет свое продолжение и порождает теоретическую недостаточность в рамках современного правового дискурса.

Иными словами, содержание научно-исследовательской ситуации в правоведении в начале XX в. способствует нерешенности в современной юридической науке вопроса о том, что собственно подразумевать под содержанием интегративного проекта в России и, самое главное, какие критерии позволяют сформулировать представления об интегративных возможностях той или иной теории. Как справедливо отмечает Е. В. Тимошина, «в отсутствие критериев «интегральности» правовой теории число мыслителей прошлого, записываемых в предшественники интегрального подхода к праву, увеличивается едва ли не с каждой с публикацией на данную тему» [1, с. 176]. «В числе только российских мыслителей, по тем или иным основаниям вписанных в ретроспективу традиции интегрального правопонимания, – пишет Е. В. Тимошина, – упоминаются В. С. Соловьев, А. С. Яценко, П. Г. Виноградов, П.А. Сорокин, Н. М. Коркунов, М. А. Муромцев, М. М. Ковалевский, П. И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Е. Н. Трубецкой, Н. Н. Алексеев, С. Л. Франк, Г. Д. Гурвич, на основании чего делается общий вывод о том, что идея теоретико-правового интегрализма составляет фундаментальную особенность русской правовой мысли [1, с. 177]. При этом Е. В. Тимошина подчеркивает, что в современной правовой науке отсутствуют прозрачные и инструментальные критерии того, почему «одни мыслители, как, например, Н. М. Коркунов, только «предвосхитили», другие, как П. И. Новгородцев, «близко подошли», третьи, в частности, Б. А. Кистяковский, «обосновали возможность», творчество четвертых, например, С. Л. Франка, является «примером интегрального... правопонимания, продолжающего лучшие традиции русской правовой мысли» [1, с. 177].

Теоретические затруднения в рамках изучения основ интегративного правопонимания являются результатом исследовательских, методологических и исторических причин, серьезным образом осложняющих исследование направления. Во-первых, следует отметить, что изучение интегративного правопонимания связано с восприятием определенной интерпретационной идеи. Невозможно сформировать теоретические представления в области интегративного правопонимания, сославшись только на интегративную природу и действие права, необходимо наличие определенной идеи, теоретической конструкции, которая бы объясняла интегративное содержание права. На наш взгляд, таковой интерпретационной идеей в истории развития теоретического интегративного понимания права в России выступает идея нормативизма, послужившая основанием для развития теоретических концепций как ведущих представителей интегративизма конца XIX – начала XX вв. (С. А. Муромцев, Б. А. Кистяковский), так и тех исследователей, чье творчество применительно к первым теоретическим основаниям системного генетического метода, выяснения генетической взаимосвязи между явлениями, подготавливало развитие интегративного понимания права в России (профессор Московского университета, ректор Императорского Санкт-Петербургского университета П. Г. Редкин, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, известный социолог и правовед М. М. Ковалевский).

К сожалению, одним из недооцененных последствий марксизма является «изъятие» понятия «превращенная форма» ради исследовательских задач экономического анализа, когда К. Маркс применил данное понятие для характеристики содержания объ-

ектов, являющихся продуктами сложных систем, и возникающих в связи с особым отношением к сознанию человека, той иррациональностью, которая свойственна для большинства таких известных категорий экономического анализа К. Маркса, как капитал, стоимость и т. д.¹ Справедливости ради нужно отметить, что в марксизме получило теоретическое развитие понимание того, что в «превращенной форме» смещается традиционное отношение между содержанием и формой и «происходит своеобразная инверсия, трансформация зависимого отношения в независимое, исторически первичного в производное, а производного в главенствующее, в результате которой форма приобретает самостоятельное, независимое от содержания, существование, становится выражением иного содержания, нежели то, которое и исторически, и по существу является ее основанием, ее действительным содержанием» [2]. Однако использование К. Марксом категории «превращенная форма» в экономической теории привело к тому, что процесс зарождения и действия превращенной формы был вынесен за рамки реального исторического, социального процесса, и тем самым были утрачены исследовательские условия для восприятия идеи развития социальной нормы *в качестве единства действительно исторического и теоретически значимого процесса*.

Во-вторых, теоретические затруднения проистекают из-за того, что интерпретационная конструкция интегративистов, прежде всего Б. А. Кистяковского, опирается на формирование перед читателем представления об особом отношении между теорией, исследующей природу права, и исследуемой реальностью, под которой прежде всего понимается социальная реальность, поскольку для представителей интегративизма важно было определить происхождение права, исходя из общего процесса развития общества. Подобные теоретические устремления были связаны не столько с тем, чтобы показать универсальность воззрений на право и общество, сколько проистекали из содержания, смысла предлагаемой интегративистами исследовательской схемы. Следует отметить, что они находились в самом начале пути, и их изыскания в данном направлении были продолжены в западной социологии в творчестве М. Вебера, Т. Парсонса и в онтологической традиции Н. Гартмана.

Применительно к концепции Б. А. Кистяковского мы имеем дело с определенным исследовательским прорывом, который осуществил методолог в теории права, не подтвержденным последующими исследованиями. Отказ от использования исследовательской конструкции интегративного правопонимания в послереволюционный период, обусловленный сменой вектора правовой политики и государственного развития, имел под собой и методологические, теоретические основания, сопровождался противоречиями на уровне метода исследования.

Другой теоретической установкой, помешавшей развитию интегративизма, стало кантианство, а, точнее, то представление, о котором, солидаризируясь с ним, пишет Б. А. Кистяковский [3, с. 106]. В продолжение данной темы В. Татаркевич, представитель львовско-варшавской школы, автор работы «К истории шести понятий», замечает, что у И. Канта понятие формы «есть то же, что и вклад разума в познаваемый предмет», а то, что «не создано и не привнесено разумом, но дано ему извне в опыте» [4, с. 232].

Иными словами, речь идет о том, что в теории познания существовала традиция, которая затрудняла исследование вопроса о природе права, и теоретические проблемы в правопонимании связаны не только со сложностью данного вопроса, но и с содержанием

¹ Следует отметить, что подобную связь с сознанием и иррациональностью, преобладающее внимание к ней, заложил в осмыслении данного термина известный советский философ М. К. Мамардашвили, автор соответствующего текста о превращенной форме в Философской энциклопедии, вышедшей в Советском Союзе в 1970 году. М. К. Мамардашвили не определился до конца с тем, чем является превращенная форма, он пишет и об «архетипах», и о содержании «работы», деятельности сложных систем и о значении превращенной формы в сознании человека, о ее иррациональности. Примерно подобным же образом в начале XX в. М. Вебер еще только определялся со значением социальной нормы, ее формы для общественной жизни. Б. А. Кистяковский осуществляет первоначальные методологические подходы к данной теме.

подобной традиции, не позволившей изучить природу возникновения права в соответствии с теми процессами и той идеей, которая отражала бы факторы развития права. Благодаря подобным теоретическим недостаткам системы правопонимания в юридической науке формировались *вне взаимосвязи с реальным процессом развития права*, а западные нормативисты начали процесс построения методологии познания права с точки зрения не оснований, а результатов развития формогенеза, против чего резко возражал Б. А. Кистяковский, критикуя «молодого автора» Г. Кельзена и Р. Штамллера. Те модели нормативизма, которые сформировались в отечественной и зарубежной юридической науке, возникли с учетом данной проблемы недостаточной эффективности теоретических возможностей теории познания. Правовое мышление формировалось в условиях господства тех первоначальных исследовательских установок, тех исследовательских интерпретационных схем, которые не были непосредственно связаны с содержанием процессов развития права.

Сущность и существование лежат в основе понимания отношения между нормой и социальным фактом, поскольку содержание социальных процессов объясняет формирование формы как подобного элемента, образующегося в результате взаимодействия социальных элементов, и на познавательном уровне превращает форму в сущность, и развитие права и его понимания в процесс постепенного формирования сущности, для чего, соответственно, необходим был метод познания, основанный на понимании формы как процесса взаимодействия с социальным содержанием, на теоретической конструкции, основанной на сущностном взаимодействии и понимании подобного взаимодействия формы и содержания как сущности и существования. Это очень важный задел, который оставляет для нас Б. А. Кистяковский, ссылаясь на теоретические проблемы, возникающие в результате европейской схоластики, поскольку последняя полностью разрушила возможность восприятия подобного соотношения и, таким образом, разрушила пути к пониманию природы права. Вопрос о соответствии сущности существованию уже содержался в учении Б. А. Кистяковского о «социально-научном материале», в оболочке кантианства существовала идея о соответствии сущности существованию, на основе чего в рамках анализа категории необходимости Б. А. Кистяковский выстраивает представление о норме права как понятии.

Подобная теоретическая позиция предвосхитила работы А. Кауфманна, который отмечал, что «правовой позитивизм абсолютизирует существование права, в то время как естественно-правовой подход – его сущность. Поэтому надо искать право в единстве его сущности и существования, которые вместе и составляют онтологическую структуру права как сущего». [5, с. 156]. У Б. А. Кистяковского подобное понимание, к сожалению, не заканчивается восприятием социальной формы, осознанием формы нормы как превращенного содержания, что обеспечивает операциональность нормы как средства социального контроля и постепенное формирование сущности права в результате процесса формогенеза, единства право- и социогенеза. Однако подобная теоретическая позиция не сформировалась и в последующем – в творчестве П. Бурдье и Э. Гидденса. Следует отметить, что для Б. А. Кистяковского подобная взаимосвязь была установлена в рамках гносеологической, кантовской установки о «социально-научной реальности», была связана с его представлениями о научной реальности объекта исследования. Тем не менее, он сформулировал основания того особого подхода к социальной реальности (и подхода к социальной реальности как интерпретационной схеме, объясняющей природу права), который предвосхитил теоретические построения Т. Парсонса [6] и социологов второй половины XX в.

Общество для интегративистов является не просто значимым для изучения предметом, а элементом их интерпретационной концепции, той поистине гранью бытия, которая необходима им для уяснения происхождения и сущности права, и если продолжить изыскания интегративистов в данном направлении, то мы сможем сформулировать исследовательскую конструкцию, которая получила развитие в последующем в

творчестве М. Вебера, Т. Парсонса, Н. Гартмана. В данном случае, учитывая эффект *pop-finito*, не полное развитие концепции интегративистов, в концепциях социологов, философов, сформировавшихся в европейской науке в более поздний период, мы находим подтверждение первоначального вектора теоретического развития интегративистов. Вместе с тем, при подобном подходе возможно выделить и причины теоретических затруднений в развитии интегративной концепции и одновременно в ее восприятии в исследовательском мировоззрении современных правоведов. Кроме того, мы получаем возможность увидеть, на каком этапе развития остановились интегративисты, в чем заключаются особенности их метода исследования, начала которого сформировались в творчестве Б. А. Кистяковского, и в чем заключается содержание возможных связей между представителями «золотого века» российского правоведения и современными подвижниками интегративизма.

Вопрос о социальной норме является одним из главных, основополагающих вопросов в работе «Социальные науки и право». Б. А. Кистяковский указывает на то, что без рассмотрения данной проблемы невозможно понимание природы права, государства, общества и невозможно построение эффективной теоретической концепции. При этом успех и преодоление кризиса в социальных науках он связывает не просто с накоплением теоретических знаний об обществе, а с осознанием истинной природы социологического знания, указывает на некое теоретическое раскрытие истинной логической и методологической природы социальных наук на основе уяснения той связи, которая присутствует между науками и социальной реальностью.

Реальность «социально-научного материала», способ получения знания о социальных явлениях, уяснение логического взаимодействия в последовательности социальных явлений, уяснение природы социальных явлений, исходя из наиболее простых признаков и способа формирования «социально-научных» понятий, – таковы ведущие, наряду с истинным познанием социальной нормы, методологические задачи нового социального знания, постулируемого Б. А. Кистяковским. При этом важно отметить, что реальность общества, воспринимаемая через эту реальность общественных структур, реальность права и государства у Б. А. Кистяковского представляет не просто отвлеченное представление о соответствии социальной нормы другим элементам социальной жизни, а подразумевает, что социальная норма является элементом, организующим социальную реальность¹.

По сути Б. А. Кистяковский предвосхитил точку зрения американского социолога. У Т. Парсонса подобная общность объясняется посредством деконструкции социальной реальности перед читателем при посредстве анализа роли и значения социальной нормы, ситуации, индивида и культурных стандартов общества, при этом норма является одним из ключевых элементов, объясняющих интенциональное взаимодействие между людьми в обществе. Как отмечает Д. Ю. Шапсугов, «право формируется и развивается не как результат деятельности отдельного индивида или абстрактного общества, а выступает той органической целостностью, в которой объединены все гомеостазисно соединяемые проявления человека» [7, с. 13]. В творчестве Т. Парсонса, во многом благодаря М. Веберу, большую роль в образовании общества играют культурные стандарты, традиции и ритуалы. Благодаря норме происходит процесс образования социальной реальности и процесс образования общества, который деконструируется Т. Парсонсом. Б. А. Кистяковский идет сходным путем, формируя перед читателями устойчивое убеждение в объективности социальной реальности и реальности общества. Определенно важным является то, что автору-интегративисту необходимо выразить эту реальность общества, реальность общественных связей.

¹ Е. В. Тимошина в этой связи приводит высказывание представителя австрийской философской школы, участника Венского кружка В. Крафта: «Быть реальным в эмпирическом смысле означает: быть включенным в пространственно-временную систему *интерсубъективных установлений*», то есть, в особую общность между познающими субъектами.

Трудно переоценить значение теоретической позиции Б. А. Кистяковского по поводу той роли, которую играет норма в организации социальной жизни для объяснения процессов развития права. При этом, учитывая взгляды социологов и философов, находящихся на сходных теоретических позициях, развивших свои теоретические воззрения в более поздний период, становятся понятными и сила, и глубина научной интуиции Б. А. Кистяковского, *но и незавершенность его проекта*. Его теоретические позиции по поводу «особых синтетических форм познания права», попытка сформулировать теоретическую конструкцию как возникающую из осмысления природы исследуемого объекта, природы права систему (как известно, Б. А. Кистяковский возражал против построения философских систем, но активно стремился закрепить свой статус методолога в области социальных и правовых исследований; его работа «Социальные науки и право», ее элементы выполнены с точки зрения формирования перед читателем представления о большой, всеобъемлющей системе, объясняющей развитие права из общества, если точнее, права из общественного, права, исходя из содержания природной социальной ступени, при этом, право занимает качественно иную, отличающуюся от развития социальных форм, ступень), определение права с точки зрения понятия о праве, выводимого и доказываемого перед читателем (в противовес теоретической позиции Л. И. Петражицкого) по завершению теоретического рассмотрения природы права, после как бы мыслительного эксперимента, все это способствует осмыслению его теоретической системы как методологической основы для рассмотрения природы права с точки зрения теоретической конструкции, интегрирующей, созидающей внутри себя, в теории представления о природе права путем деконструкции основных элементов, формирующих процесс развития права (формирования природы права), и путем рассмотрения перед читателем определенной последовательности взаимодействия данных элементов.

Б. А. Кистяковский увязывал эти два вопроса: вопрос о специфике метода исследования права и содержание проблемы обретения истинного знания о природе методологии социальных наук. «Социальные науки могут быть утверждены в качестве объективного научного знания только тогда, когда будет признана их истинная логическая и методологическая природа», – писал Б. А. Кистяковский [3]. Иными словами, перед нами попытка построения нового методологического знания и новой теоретической конструкции, основанной на постижении особенного значения природы логического и взаимосвязи объекта исследования и изучающей его теории, что обнаруживается в рамках анализа его позиции по поводу особенности социального, природы общества (учитывая его точку зрения по поводу теорий Г. Кельзена и Р. Штаммлера, а также то, что он начинает от специфики социального, от специфики природы общества, то он вполне мог осознавать значение подобной интегрирующей точки зрения по поводу единства формогенеза, но он прежде всего опирается на точку зрения И. Канта и позиции представителей фрайбургской школы неокантианства). Иными словами, попытка формирования (и представления перед читателем) оснований содержания нового метода исследования права и теоретическое конструирование по данному поводу представляет один из главных теоретических посылов данной работы, а само исследование является своего рода предварительным исследованием, основная задача которого связана с изменением, подготовкой восприятия читателя, прежде всего представителей профессионального сообщества ученых-правоведов и социологов, учитывая, какую широкую полемику ведет Б. А. Кистяковский с различными представителями зарубежной юридической науки и русской социологии, и какие надежды методолог возлагает на новую социологическую науку. С другой стороны, разумеется, Б. А. Кистяковский здесь не только создает путь к развитию генеральной абстракции как ведущего понятия – методологемы, подобно К. Марксу или Т. Парсонсу, но и «сбивается» на описание содержательных элементов, необходимых с его точки зрения для прояснения собственной позиции.

Критикуя Л. И. Петражицкого и рассматривая различные понятия о праве, Б. А. Кистяковский говорит определенно о необходимой последовательности изучения

элементов при рассмотрении природы права. Его первоначальные теоретические позиции по поводу социальной нормы, восприятие новой научной реальности благодаря анализу содержания социальной нормы (повторим, что с его точки зрения только благодаря этому возможно кардинально иное понимание социальных наук и наук о праве в целом) и особой реальности общества по отношению к общественным связям, иное отношение к обществу как системе (применительно к точке зрения Т. Парсонса «аналитической системе» подобное определение полностью подходит и характеризует подход российского правоведа), формирование представлений перед читателем о новом характере взаимодействия между теорией, теоретической системой и объектом, ей исследуемым, стремление Б. А. Кистяковского выработать рабочее понятие на основе анализа элементов общественного развития, взятых в системе, в теории настолько близки теоретическим воззрениям М. Вебера и Т. Парсонса, что сумма их теоретических оснований, а также другого исследователя, представителя философии предреволюционного периода, уроженца Российской империи, Николая Гартмана, может быть использована для сравнения с теоретическими воззрениями Б. А. Кистяковского, и позволяет по-новому взглянуть на базовые теоретические конструкции, изложенные в работах российского правоведа.

Эти основания значительно шире, чем представляется на первый взгляд. Они являются основанием для понимания и процессов, происходящих в обществе, о чем изначально пишет Б. А. Кистяковский, и являются базовыми для построения теоретических взглядов по поводу логики процессов формогенеза (социогенеза, правогенеза) на основании логики формирования нормы в обществе, значимы для понимания особой природы нормы для социальных наук у Б. А. Кистяковского, опирающегося на восприятия особой природы нормы с точки зрения ее двойного «проживания», бытийствования как бы в двух средах, собственно социальной реальности и в границах научной теории, что является, на наш взгляд, наиболее близкой теоретической площадкой к осознанию «синтетических форм» познания права самим Б. А. Кистяковским, позволяющей в единстве составных элементов (социо и правогенеза) осмыслить процесс формогенеза, т. е. процесс развития формы.

Здесь для восприятия подобного взаимосочетания необходима онтология Н. Гартмана [8]. В данном случае мы обращаемся к творчеству Н. Гартмана именно вследствие того, что в рамках его «новой онтологии» подобная точка зрения на взаимодействие объекта и теории представлена наиболее полно. Единство объекта и теории является ключевым для понимания «синтезной» теории Б. А. Кистяковского. Российский правоведа просто предвосхищает теоретическую позицию Н. Гартмана. Разумеется, подобное взаимодействие объекта и теории не является частью какого-то волшебства, объект преодолевает границы теоретической конструкции, авторской системы благодаря тому, что *автор-исследователь деконструирует главный, наиболее существенный элемент*. Деконструирование, системное разделение явления на элементы, анализ, к которому прибегает Б. А. Кистяковский, представляет собой конструирование элементов в рамках системы. Б. А. Кистяковский в своей основополагающей работе занимается исследованием признаков нормы именно с точки зрения необходимости, долженствования, подчиняясь логике неокантианства, формирует понятие на основе данных признаков, но уже на новой основе единства объекта и теории. У Н. Гартмана ценность служит основой для развития реального мира, основой для развития социальной реальности и для понимания, восприятия данной реальности (подобная точка зрения звучит и в методологической, самой главной и известной работе Т. Парсонса «О структуре социального действия»). *Соответственно, для того, чтобы подобная деконструкция состоялась, «прозвучала» в рамках теоретической системы, необходимы более общие теоретические и методологические установки, которые позволили понять автору, воспринять возможность такой деконструкции. И, конечно, подобный элемент социальной реальности должен обладать подобной «логической» природой и должна созреть, сформироваться ав-*

торская интуиция, способствующая выбору подобного объекта исследования. В дальнейшем, как уже отмечалось, подобную теоретическую позицию об образовании и работе социальной формы в рамках норм, традиций и ритуалов выдвинет М. Вебер, но и в его творчестве социальная форма не занимает достаточного места, является побочным явлением, рассматриваемым в ходе анализа ритуалов и традиций.

Но что представляет собой подобная деконструкция, деконструирование данного элемента и в чем здесь заключается авторский выбор? Это только одна группа вопросов, которые можно задать в связи с данной проблемой. Простое повторение последовательностей элементов в рамках теоретической системы, даже в рамках первооснов, теоретических принципов, изложенных Б. А. Кистяковским, порождает не простой эффект генеральной абстракции, когда содержание базового феномена, взятое в системе, позволяет понятиям в данной системе получать операциональное содержание, на их основе и в рамках системы возможно внутреннее осмысление природы исследуемого объекта на базе как бы доконструирования в теоретической системе и создания условий для восприятия единого смысла порождающего процесса в рамках, в системе социальной реальности. Наличие подобного операционального содержания в системе, в рамках теоретических взглядов автора, на наш взгляд, является одной из определяющих черт право-понимания, демонстрируемого Б. А. Кистяковским.

Поразительно, но и у Б. А. Кистяковского, и у Н. Гартмана, и у Т. Парсонса в «Структуре социального действия» мы встречаем деконструкцию элементов нормы, связанную с выделением таких элементов анализа, как элементы социальной реальности (т. е. того, что происходит в жизни индивидов, независимо от их желания, и требует реакции от индивида), нормы, в сочетании с ценностью, как идеальных объектов и деятельности человека [8]. Подобная деконструкция является базовым элементом теоретической конструкции и Б. А. Кистяковского, и тех авторов, которые шли вслед за ним в познании природы социальных явлений и права. Она является очень важным элементом и для восприятия их теоретической позиции, вследствие того, что выбор подобного базового феномена определяет и конструирование восприятия социального пространства, пространства взаимодействия в обществе, элементы взаимодействия которого раскрывают его природу, и конструирование социальной реальности как продукта взаимодействия индивида с окружающей социальной средой. Для их теоретических позиций исследовательский выбор нормы как базового феномена становится отправной, ведущей точкой для конструирования нормы, элементов нормы в рамках теоретической системы, достигается это вследствие того, что природа нормы, элементы анализа нормы, ее деконструкция приводят к объяснению в рамках теоретической системы процессов взаимодействия в обществе (деконструкция нормы означает ее конструирование в элементах системы вследствие того, что норма как элемент образующий и организующий общество, объясняет процессы взаимодействия в нем, является как бы микросистемой для общества в целом, деконструкция нормы одновременно как бы означает ее конструирование в терминах системы в позиции уже генеральной абстракции для системы и подобное действие в целом приводит к конструированию теоретической системы). Иными словами, подобное деконструирование, исповедуемое всеми авторами, является фактически операцией по наблюдению и фиксации данного смысла, происходящего ввиду идеальной природы социальных явлений как способа существования реальности, что было подмечено Н. Гартманом, частично, за счет своей позиции анализа идеального, преодолевающего дихотомию материального и идеального. Вместе с тем, подобная деконструкция связана с содержанием вопроса о социальной форме вследствие того, что норма и представляет собой социальную форму, правда, данная взаимосвязь и закономерность формирования элементов в теории и в рамках действительного социального мира не была до конца осознана Б. А. Кистяковским, как и не был осознан авторами закономерный смысл объективации нормы, связанный с превращенным содержанием, превращенностью формы нормы.

Литература

1. Тимошина Е. В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: дисс. докт. юрид. наук. М., 2013. 556 с.
2. Форма превращенная // Философский энциклопедический словарь. [Электронный ресурс] / URL / <http://terme.ru/termin/forma-prevrashchennaja.html> (дата обращения: 05.02.2019).
3. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. Москва, Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. 704 с.
4. Татаркевич В. История шести понятий. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. 376 с.
5. Кауфманн А. Онтологическая структура права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 151 – 174.
6. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. 880 с.
7. Шапсугов Д. Ю. О предмете познания, исследования в юридической науке // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 1. С. 7 – 16.
8. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.; М., 2003. 640 с.

Leusenko Dmitry Aleksandrovich, Candidate of philosophical sciences, Associate Professor, the South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: Id08@yandex.ru

THEORETICAL PROBLEMS OF INTEGRATIVE RIGHT UNDERSTANDING

Abstract

The article continues the study of theoretical problems related to the analysis of the leading concepts of integrative legal understanding in Russia. The author focuses on the theoretical difficulties that have developed in the ancient tradition and scholasticism, as well as the problem of deconstruction of elements of social reality as part of the interpretative scheme of knowledge of the nature of law in the framework of the unfinished project of integrativists on the example of the concept of B. A. Kistyakovskiy. The scientific literature devoted to the study of the problems of legal reality is analyzed, and the conclusion is made about the influence of changes in the theory of knowledge long before the development of the theoretical direction under study on the perception of the integrative understanding of law.

Keyword: *integrativism, interpretation, interpretation the idea, normativism, transformed form, social norm, essence and existence, legal reality, deconstruction, sociogenesis, legal genesis.*

References

1. Timoshina E. V. Teorija i sociologija prava L. I. Petrazhickogo v kontekste klassicheskogo i postklassicheskogo pravoponimaniya: diss. dokt. jurid. nauk. M., 2013.
2. Forma prevrashennaja // Filozofskii yenciklopedicheskii slovar'. [Yelektronnyi resurs] / URL / <http://terme.ru/termin/forma-prevrashchennaja.html> (data obrasheniya: 05.02.2019).
3. Kistjakovskii B. A. Social'nye nauki i pravo. Ocherki po metodologii social'nyh nauk i obshhei teorii prava. Moskva, Izdanie M. i S. Sabashnikovyh, 1916.
4. Tatarkevich V. Istorija shesti ponjatii. M.: Dom intellektual'noi knigi, 2002.
5. Kaufmann A. Ontologicheskaja struktura prava // Rossiiskii ezhegodnik teorii prava. 2008. № 1.
6. Parsons T. O strukture social'nogo deistviya. M., 2000.
7. Shapsugov D.Yu. O predmete poznaniya, issledovaniya v yuridicheskoi nauke // Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik. 2013. №1.
8. Gartman N. K osnovopolozheniyu ontologii. SPb.; M., 2003.